

Е. А. Бельгибаев^{1,2}, **В. В. Николаев**^{2,3}

¹ Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

³ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

**ВСЕРОССИЙСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1916 И 1917 ГОДОВ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ
И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА ПРИМЕРЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
БИЙСКОГО УЕЗДА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

Характеризуются Всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., проведение которых было важным опытом для отечественной статистики. Переписи проходили в условиях ограниченности финансовых средств. В 1916 г. переписчики выявляли продовольственные запасы и ресурсы в стране. В 1917 г. внимание акцентировалось на типах хозяйств и сведениях о населении. Более высокая научная значимость материалов переписи 1917 г. по сравнению с предыдущей связана с хорошей сохранностью опросных листов и более широким кругом содержащихся в них вопросов. Материалы переписи 1916 г. можно привлекать как сопоставительные и верификационные данные. Материалы переписи 1917 г. имеют высокий научный потенциал при условии привлечения компьютерных технологий. Однако в настоящее время материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. относятся к числу наиболее слабо востребованных архивных данных. Имеется лишь первичный опыт анализа данного массива сведений. Использование материалов переписей, которые хорошо сохранились в Государственном архиве Алтайского края, позволит реконструировать демографическую структуру, хозяйство и систему природопользования коренного населения предгорий Северного Алтая начала XX в.

Ключевые слова: Северный Алтай, коренное население, сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., статистический учет, демография, этнографический источник.

Статистический учет сельскохозяйственного характера в нашей стране начал формироваться достаточно рано. Уже с 1830-х гг. губернские статистические комитеты стали включать в отчеты губернаторов сведения о сельском хозяйстве. В последующем отдельные аспекты хозяйственной деятельно-

сти сельского населения рассматривались при проведении переписей государственными органами и земскими учреждениями [Гозулов, 1972. С. 125]. Во второй половине XIX в. в Российской империи сложились три основные формы статистического учета хозяйств: казенно-административный (ад-

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект «Трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в условиях изменения природной и социокультурной среды»), а также Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.В37.21.0483 «Коренные народы Сибири в составе России и население зарубежных завоеванных и колонизованных территорий: способы противодействия фальсификациям в области исторической демографии»).

министративно-полицейский учет, сельскохозяйственная статистика), земский (изучение крестьянских хозяйств), ведомственный (различные хозяйственные вопросы) [Гозулов, 1972. С. 100–101].

Отсутствие земских структур на Алтае в XIX в. предопределило ведомственный характер подворной переписи на рубеже XIX–XX вв., проводившейся статистиком Главного управления Алтайского округа С. П. Швецовым [Горный Алтай..., 1900; 1901; 1903а; 1903б]. Эта перепись и позднее статистическое исследование начальника Алтайского округа В. П. Михайлова [Отчет..., 1910], осуществленное в 1910 г., проводилось в условиях подготовки размещения переселенцев из европейской части России и землеустроительных работ в этой связи. С. П. Швецовым и В. П. Михайловым было охвачено все население Горного Алтая и некоторых прилегающих районов.

Логическим продолжением развития системы статистического учета данного рода в России стала подготовка с 1913 г. намеченной на 1915 г. Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Ее проведение обуславливалось низким качеством данных административно-полицейского учета. Первая мировая война изменила планы, сместив сроки проведения переписи с декабря 1915 на лето 1916 г. и связав ее организацию с нуждами продовольственных кампаний. Собственно материалы переписи 1916 г. по Томской губернии аккумулированы в Государственном архиве Томской области в виде карточек, в которых указаны только фамилия, имя, отчество главы хозяйства и количество членов семьи мужского и женского пола, или в обработанном виде с разбивкой данных по населенным пунктам и волостям¹.

Полученные цифры 1916 г., заниженные, по мнению властей, подтолкнули к повторному проведению переписи – уже в 1917 г. [Гапоненко, Кабузан, 1961. С. 105–106]. Кроме того, смена государственного строя в феврале 1917 г. поставила на повестку дня аграрный вопрос, решение которого считалось невозможным без соответствующих сведений о землевладении и землепользова-

нии [Там же. С. 107]. Поэтому при проведении новой переписи ее формуляр был значительно расширен, и она охватила не только сельское, но и городское население [Там же. С. 110]. В результате перепись 1917 г. стала сельскохозяйственной, поземельной и городской.

А. И. Гозулов четко разграничил сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. [1972. С. 130–131]. Если в 1916 г. переписчики выявляли продовольственные запасы и ресурсы в стране, то в 1917 г. внимание акцентировалось на типах хозяйств и сведениях о населении. Отмечалось также, что перепись 1917 г. проводилась в условиях ограниченности финансовых средств. Данное обстоятельство обусловило разновременность переписи в разных регионах (а в отдельных случаях и незавершенность), продолжительность переписного периода до нескольких месяцев, изменения в формулярах и т. д. [Гапоненко, Кабузан, 1961. С. 111–113]. Для Томской губернии помимо отмеченных выше недостатков В. Я. Нагнибеда указывал на совпадение переписного периода (конец августа – конец октября) с полевыми работами, а также враждебностью и инертностью населения, ограниченностью «интеллигентных сил» для организации переписи на местах [1920. С. 13]. В то же время в Кузнецком уезде и отчасти в других отмечалось уклонение инородцев от регистрации, обусловленное страхом быть призванными на военную службу. Во многом схожие трудности отмечались Е. К. Антоновой [2010] для Томского переселенческого района.

Исследование коллективом новосибирских ученых материалов переписи 1916 г. по Томской губернии с привлечением ЭВМ продемонстрировало наличие и других негативных явлений, в частности разное толкование переписчиками вопросов опросных листов [Материалы..., 1969. С. 16]. Отмечались и опасения части крестьян относительно возможности реквизиций сельскохозяйственной продукции после статистических обследований. Так, В. Я. Нагнибеда отмечал, что параллельно с проведением статистического обследования в регионе проводилась реквизиция овса и мобилизация коренных жителей на тыловые работы в прифронтовых районах [1920. С. 53].

Технические условия проведения переписи 1917 г. несколько изменились в срав-

¹ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16.

нении с предшествующим годом. Нарастали потоки беженцев и военнопленных, продолжался призыв населения на фронт и на тыловые работы, одним из результатов чего стало снижение уровня образованности и подготовленности переписчиков в условиях усложнения содержимого формуляров [Нагнибеда, 1920. С. 91]. Имел место и не полный охват территории страны. Помимо оккупированных войсками Германской империи и ее союзников территорий вне обследований остались труднодоступные, отдаленные, неземледельческие или малонаселенные районы: Сахалинская, Камчатская, Якутская области, Туруханский край Енисейской губернии, Нарымский край Томской губернии, Сургутский и Березовский уезды Тобольской губернии. Сложно сказать, какой из факторов стал основным, но большая часть поселений челканцев, расположенных в таежной, малопригодной для земледелия части Алтая, с подвижным автохтонным населением также осталась вне статистического обследования. Безусловным минусом переписи 1917 г. была и фиксация этнической и сословной принадлежности только главы семьи и хозяйства, что не позволяет точно определить общую численность населения изучаемого региона, в том числе аборигенного. Кроме того, записи, видимо, основывались на личном определении респондента. На это указывает то, что родственники порой имели разную сословную и этническую принадлежность. При определении категории инородцев решение принимали сами переписчики [Там же. С. 32–33, 77]. Кочевое население переписывалось выборочно, а бродячее и вовсе не регистрировалось. Именно этими особенностями и объяснялось отсутствие у исследователей заметного интереса к материалам переписи в предыдущие годы, поэтому, к сожалению, для определения численности коренных народов их можно использовать только как косвенный источник [Скобелев, Кузнецова, 2012. С. 21].

Тем не менее в целом сохранность опросных листов – высокоструктурированных, информативно насыщенных и многочисленных источников по хозяйству, природопользованию и этнодемографии, более широкий круг содержащихся в них вопросов, обусловливают и заметно большую научную значимость материалов переписи 1917 г. по сравнению с предыдущей. В этой ситуации

сведения аналогичного статистического обследования 1916 г. можно привлекать как сопоставительные и верификационные данные. Однако в настоящее время материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. относятся к числу наиболее слабо востребованных архивных данных. Имеется лишь первичный опыт анализа данного массива сведений [Бельгибаев, 2012а; 2012б; Материалы..., 1969; Николаев, 2009]. Например, В. Н. Разгоном, Д. В. Колдаковым и К. А. Пожарской была сделана 5-процентная выборка подворных карточек по западным волостям Алтайской губернии начала XX в. [Разгон и др., 2002]. Для их анализа специально создавалось электронное Приложение, позволяющее оперативно обрабатывать массовый статистический материал. Опыт такой работы показал, что база данных по сельскохозяйственной переписи 1917 г., с учетом сведений переписи 1916 г., может успешно использоваться также для изучения ряда вопросов исторической демографии аборигенного населения предгорий Северного Алтая. Поскольку результаты переписей были опубликованы лишь частично [Алтайско-Томская часть Сибири..., 1927], важность вовлечения их в научный оборот трудно переоценить.

Переписные карточки 1917 г. по интересующим нас группам населения хранятся в Краевом государственном казенном учреждении «Государственный архив Алтайского края». Они сгруппированы в более чем 90 дел². Анкета (подворная карточка), представляла собой лист, заполненный с обеих сторон вопросами (165 граф), призванными охватить практически все стороны жизни крестьянского хозяйства, т. е. отразить значительный объем демографической, этнической и социально-экономической информации.

Первый блок включал информацию о месте расположения хозяйства и его главе. Указывалось наименование уезда, волости, населенного пункта и общества, а также фамилия, имя и отчество главы хозяйства, его сословная и национальная принадлежность. Отмечался статус главы хозяйства в конкретном населенном пункте – приписной, посторонний, беженец или пленный, год

² КГКУ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29; Оп. 1а, 1б. Д. 139, 141, 142, 146 и др.

прибытия в Сибирь и место исхода (фиксировалось только название губернии). Отдельно отмечалось его отсутствие по месту жительства. В случае со старожилами и аборигенами, поменявшими место жительства, сведения о времени переезда также указывались.

Отдельно стоит остановиться на сословной и национальной принадлежности главы семьи. Данная графа в подворной карточке позволяет реконструировать многоуровневый характер этнического самосознания коренного населения региона. Если с сословной идентичностью аборигены определялись четко – инородец или крестьянин (иногда в графе «сословие» фиксировалась национальность, что можно связать с невнимательностью корреспондента), то графа «национальность» предлагает весь спектр этнонимов Алтая: алтаец, кумандинец, инородец, татарин, верхний или нижний кумандинец и т. д. Как видно, приведенные наименования относятся к разным таксономическим уровням идентичности этнических групп предгорий Северного Алтая, позволяя реконструировать их иерархию и локализовать территориально. Важным моментом является также то, что в большинстве населенных пунктов данного региона Алтай наблюдается бытование одного конкретного этнонима у всего автохтонного населения.

Во втором блоке карточки фиксировали следующие параметры: имя, пол, возраст, семейное положение, трудоспособность и причастность к той или иной хозяйственной деятельности, грамотность и учеба в школе, участие в сельскохозяйственных работах и промыслах членов семьи, отсутствующие (более месяца), призванные в армию (в трудармию), родившиеся и умершие за последний год, сведения о наемных рабочих.

Сведения о семье позволяют рассчитать демографические показатели для коренного населения предгорий Северного Алтая: количество поколений и супружеских пар в семьях, детность семей, тип семьи, соотношение возраста мужа и жены, состояние в браке по возрастным группам. Отсутствие сведений об этнической принадлежности супруги главы хозяйства (женщины фиксировались в качестве главы в случае вдовства и при отсутствии женатых сыновей) не по-

зволяет выявить уровень распространения межнациональных браков, но при условии привлечения материалов иных видов статистического учета (например, метрических книг) данная проблема разрешима. Кроме того, помимо христианских имен переписчиками зафиксированы в некоторых случаях традиционные имена автохтонного населения, что позволяет пополнить сведения по антропонимии, а наряду с фамилиями зафиксировать территории их бытования.

Имеющиеся в материалах переписи сведения о возрасте членов семьи позволяют обратиться к составлению возрастных пирамид. Необходимо учитывать не точность указанных респондентами сведений. Большинство цифр округлено: 5, 10, 15, 20 лет и далее. В старших возрастах, видимо, чаще имело место завышение возраста.

Некоторый интерес представляют сведения о демографических событиях за текущий год. Хотя эти данные не полные, они отражают общую картину уровня смертности и рождаемости у автохтонного населения.

Отдельно стоит остановиться на промыслах коренного населения предгорий Северного Алтая. Это сбор кедровых орехов, охота, заготовка и сплав леса. В материалах переписи фиксируются и шаманы как представители отдельной профессии (в карточке – «кам»).

Последний блок информации был посвящен собственно хозяйству. Здесь можно выделить несколько разделов, содержащих сведения о земледелии и землевладении, скоте, пашне, сельскохозяйственном инвентаре. Данные о хозяйстве аборигенного населения позволяют установить тип землепользования, дату выделения надела, распространенность арендных отношений, земельную площадь и ее дифференциацию по качеству; распространенные виды домашних животных, формы их разведения; виды используемых культур и посевную площадь; типы сельскохозяйственного инвентаря, уровень механизации сельского хозяйства. В переписи также фиксировалось наличие кооперативов и членство в них жителей населенного пункта.

В целом проведение Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. было важным опытом для отечественной

статистики. Анализ подворных карточек переписи 1917 г. позволит, в конечном счете, реконструировать демографическую структуру, хозяйство и систему природопользования коренного населения предгорий Северного Алтая рубежа XIX–XX вв., которое, несомненно, находилось уже в состоянии модернизации под влиянием различных факторов – природно-ландшафтного, интенсивности взаимодействия с русским крестьянским населением, вовлеченности в товарно-денежные отношения и др. Опыт обработки материалов переписи 1917 г. демонстрирует как высокий научный потенциал данного вида источников, так и сложности из-за его массовости. Но последнее обстоятельство нивелируется при условии привлечения компьютерных технологий.

Список литературы

- Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года: Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 года, собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеды. Томск: Красное Знамя, 1927. 215 с.
- Антонова Е. К.* Особенности проведения Всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2010. № 4 (12). С. 119–123.
- Бельгибаев Е. А.* Хозяйственный комплекс аила Алешкин Нижне-Кумандинской волости Томской губернии (анализ базы данных кумандинских хозяйств по Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // VII Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: Ст. и материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2012а. С. 80–86.
- Бельгибаев Е. А.* Некоторые аспекты развития традиционного хозяйства и природопользования тюркоязычного населения северных предгорий Алтая в начале XX в. (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Сибирь и центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятое научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы междунар. науч. конф. Барнаул: Азбука, 2012б. С. 15–20.
- Гапоненко Л. С., Кабузан В. М.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. С. 97–115.
- Гозулов А. И.* Очерки по истории отечественной статистики. М.: Статистика, 1972. 312 с.
- Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Барнаул: Типо-Литогр. Гл. управления Алтайского округа, 1900. Т. 1, вып. 1. 360 с.
- Горный Алтай и его население. Барнаул: Типо-Литогр. Гл. управления Алтайского округа, 1901. Т. 2: Экономические таблицы. 309 с.
- Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. Барнаул: Типо-Литогр. Гл. управления Алтайского округа, 1903а. Т. 3, вып. 4: Экономические таблицы. 253 с.
- Горный Алтай и его население. Черневые татары Кузнецкого уезда. Барнаул: Типо-Литогр. Гл. управления Алтайского округа, 1903б. Т. 6, вып. 1: Экономические таблицы. 853 с.
- Материалы переписи 1916 года по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ) / Под ред. Л. М. Горюшкина. Новосибирск: Наука, 1969. 306 с.
- Нагнибеда В. Я.* Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири (Краткий отчет). Томск: Народная типография, 1920. 67 с.
- Николаев В. В.* Типы семьи у коренного населения предгорий Северного Алтая (XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 59–61.
- Отчет начальника Алтайского округа В. П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул: Типо-Литогр. Гл. управления Алтайского округа, 1910. 224 с.
- Разгон В. Н., Колдаков Д. В., Пожарская К. А.* Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2002. С. 22–66.
- Скобелев С. Г., Кузнецова Е. В.* Источники по изучению демографии коренного на-

селения Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века: списки населенных мест и памятные книжки по губерниям и областям (материалы для учебного курса) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Се-

рия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 18–24.

Материал поступил в редколлегию 10.04.2013

E. A. Belgibaev, V. V. Nikolaev

**THE ALL-RUSSIAN AGRICULTURAL POPULATION CENSUSES 1916 AND 1917:
HISTORY, PROBLEMS AND RESULTS (ON THE EXAMPLE OF THE INDIGENOUS PEOPLE
OF THE BIYSK DISTRICT TOMSK PROVINCE)**

The article is devoted to characterizing All-Russian Agricultural Census in 1916 and 1917, which was an important experience for the national statistics. Censuses took place in conditions of limitation of financial means. In 1916 copyists revealed food stocks and resources in the country. In 1917 the attention was focused on types of farms and data on the population. Higher scientific importance of materials of census 1917 in comparison with the previous is connected with good safety of questionnaires and more wide range of questions containing in them. Materials of census of 1916 can be attracted as comparative and verification data. Materials of the census 1917 have high scientific potential on condition of attraction of computer technologies. However, now materials of agricultural census 1917 are among one of most poorly demanded contemporary records. There is only primary experience of the analysis of this array of data. The use of census materials, which are well preserved in the State Archives of the Altai region, will reconstruct the demographic structure, economy and environmental management systems of indigenous people North Altai foothills early XX century.

Keywords: Nord Altai, indigenous people, agricultural censuses 1916 and 1917, statistical account, demography, ethnographic source.